

ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА ПРОЗЫ СЕМЕНА КУРИЛОВА

*Работа представлена кафедрой литературы и методики ее преподавания.
Научный руководитель – доктор педагогических наук, профессор Е. С. Rogover*

В статье рассматриваются проблематика и поэтика прозы юкагирского писателя Семена Курилова. Проведено исследование особенностей стиля, жанра, своеобразия форм, поэтики, структуры произведений как основных литературоведческих проблем. Интерпретированы герои произведений от сказок до романа-эпопеи, выявлены формообразующие факторы.

The article considers the problematics and poetics of the Yukaghir writer Semyon Kurilov's prose. The author of the article examines the features of style, genre, forms, poetics and structure of the works as the basic literary problems. The characters of the works (from fairy tales to the epic novel) are interpreted and form-generating factors are revealed.

В плеяде выдающихся писателей российского Севера заметное место занимает Семен Курилов, видный юкагирский художник слова. Он прожил недолгую жизнь, всего сорок пять лет (1935–1980), но сумел обогатить духовную сокровищницу своего народа рядом выдающихся произведений, относящихся к различным эпическим жанрам: литературными сказками («Чаундаур», «Исцеление Лимхи»), опирающимися на родной фольклор, рассказами и новеллами («Увидимся в тундре»), повестью («Последнее лето детства»), романами («Ханидо и Халерха» и «Новые люди»). Все они покоряют читателя основательным знанием жизни этноса, глубоким проникновением во внутренний мир человека, своеобразием национальной формы созданных творений.

Проза С. Курилова затрагивает важнейшие проблемы бытия одного из северных народов многонациональной России – юкагиров. Писатель воспроизводит быт, обычаи, нравы, тип жилища, костюмы, средства передвижения, характер пищи этих людей, живущих в суровой тундре между сибирскими реками Индигиркой и Колымой, недалеко от Полюса холода, рядом с ледяным Восточно-Сибирским морем. Большое внимание автор уделяет нелегкому труду юкагиров, их тесному единению с окружающей природой. Столь же при-

стально рассматривает писатель религиозные представления своих земляков, их веру в недобрых и добрых духов, их отношение к язычеству и христианству (последнее принимается юкагирами), к шаманам и шаманизму, господствующему в быту народа. С. Курилов показывает чрезвычайно пестрый национальный состав своих персонажей (здесь и якуты, и юкагиры, и ламуты, и русские, и чукчи), изображает непримиримую борьбу шаманов друг с другом в процессе установления влияния на жителей Колымы. Он обнажает социальное расслоение северян, господство богатеев, владельцев несметного поголовья оленьих стад, и с болью рассказывает о голоде бедняков.

С. Курилов поднимает голос за освобождение женщины от пут бесправия, унижения и рабства. В то же время он показывает постепенное, но неуклонное обретение счастья лучшими из его героев, закономерную победу света и добра над мраком и злом. Эту идею реализуют основная сюжетная линия романа, связанная с взаимоотношениями молодых возлюбленных, и система образов эпических произведений.

Центральный в творчестве С. Курилова роман «Ханидо и Халерха» включает в себя две книги, написанные в разные годы: первая носит название «Люди “среднего мира”» (1969); вторая книга называется «Новые люди» (1975). В своей совокупности

ти эти части диалогии воспроизводят исторические события и повседневную жизнь юкагирского этноса начиная с 1892 г. Повествование завершается предреволюционным временем, относящимся к 1916 г. Еще одной особенностью построения эпического произведения С. Курилова является его кольцевая форма, напоминающая художественное обрамление: картиной камлания роман открывается и подобной же сценой он заканчивается, хотя смысл этого обряда и состав его участников в финале существенно меняется, что отражает внешние перемены и закономерности обновляющейся действительности. Наличие открытого многозначительного финала – еще одна черта композиции диалогии.

В структуре «Ханидо и Халерха» существенное место занимают биографии персонажей и развернутые авторские характеристики последних. Примером может служить жизнеописание Потончи, представленное во второй главе романа. Определенное место в тексте отводится легендам и преданиям – о юкагирском богатыре Иделвее (этот богатырь, перепрыгивая реки и речушки-виски, догонял диких оленей, а в половодье переносил на своей спине трех беременных женщин) или о Эрбэччане, родившемся в медвежьей берлоге. Подробно излагается и древняя легенда о поисках счастья, которая проецируется на сюжет повествования. Важную роль в композиции романа Курилова выполняют и многообразные описания: юкагирской игры, танцев и камлания, установленных традицией ритуалов, обрядов и церемоний.

Частые описательные фрагменты художественных текстов писателя обладают глубокой содержательной значимостью.

В своих портретных описаниях С. Курилов прежде всего сосредотачивается на материальном начале, физическом облике человека. Он обогащает портрет проникновением во внутренний мир персонажа. На преобладании внешних признаков строится портрет алайского юкагира Куриля: «Лицо у него скуластое, белое как у женщины-ламутки; широко открытые глаза

никогда не улыбаются – если же он сошурит их раз в год, то это значит, что он смеется. Губы у Куриля сомкнуты строго...». Иногда, живописуя портрет персонажа, писатель прибегает к преувеличению и даже гротеску. Так, представляя верхнеколымского шамана, С. Курилов отмечает, что уже один рост этого седовласого старца заставлял содрогаться: ноги сидящего на коне «едва не доставали земли, а удлинённая голова, похожая на лошадиную, возвышалась над головами остальных».

Писатель показывает в своей прозе нерасторжимую связь и единение человека с природой. Этому служат пейзажные описания С. Курилова. Таких описаний сравнительно немного, но они всегда выразительны и окрашены субъективным видением, преобладающим над предметностью картин природы.

Среди художественных средств, помогающих Курилову воплотить его замысел, важное место занимает словесная ткань романа, в частности его языковой материал. Наряду с авторской речью в тексте звучит и «чужое слово» в виде прямой и несобственно-прямой речи героев. При этом писатель умело индивидуализирует язык персонажей, который отражает особенности их характеров. Так, для старой Тачаны специфична наставительность, яркая эмоциональность, резкость высказываний, переданные в обилии вопросительных и восклицательных предложений, в коротких фразах, в категоричности заявлений. Речь Пурамы отличается твердостью интонаций и насыщенностью злобными репликами, выражающими черты его характера. Развернутые высказывания Сайрэ передают рассудительность, соединенную с хитрым лукавством и недобрым брюзжанием, мнимую раздумчивость – с фальшивыми заверениями, образными определениями и неизменными ссылками на духов и происки соперника.

С речью персонажей постоянно и многообразно взаимодействует речь автора, благодаря которой хорошо проясняется гражданская позиция юкагирского писате-

ля и роль его героев в драматическом повествовании. Можно вспомнить, как ярко и выразительно обрисованы переживания Пайпэтке, живущей с уродливым и гадким Сайрэ и ищущей для себя выхода из драматической ситуации в рождении ребенка. Авторская речь с ее неповторимой интонацией сопровождает эти переживания женщины и делает их убедительными до осязаемости и зримости.

С. Курилов насыщает свое повествование запоминающимися образами («в карих глазах плещется северное сияние»), меткими эпитетами («короткий, но суровый страшный взгляд», «ухватистые пальцы»), смелыми метафорами («Ивачан съел своих родственников», «кого бы из приехавших общипать почище»). Особенно часто писатель использует выразительные средства, взятые из быта, окружающей природы и занятий северян и вносящие в текст необходимый национальный колорит: «Сайрэ вскипел, как горячий жир от капли воды»; «бросаться словами, как криками голодные чайки»; «вертел головой, как сова на гнезде»; «огромными скалами возвышались белые яранги»; «водка завертелась, как бурун в протоке». Трудно забыть авторские определения и уподобления: «снежно-белые зубы, блестящие как пуговицы на шинели городского начальни-

ка»; «жизнь кривлялась, как шаманская рожа».

Еще одной заметной особенностью авторской речи и языка персонажей прозы С. Курилова является обилие поговорок и афоризмов, свидетельствующих и о мудрости многих персонажей, и о сращенности повествования писателя с фольклором. Вот некоторые из примеров: «неправда плавает поверху, как жир на воде»; «все беды одним ремнем связаны»; «горноста́й красивый, а хищник»; «если волк не съест теленка до костей и жил, теленок выживет»; «правда в глаза и нос колет»; «зверек горноста́й тоже мал да удал». Отметим также присущий прозе Курилова особый ритм, характерный для неспешной устной речи юкаги́ров. Эта ритмичность, в частности, обнаруживается в использовании повторов и так называемого синтаксического трехчлена, придающего высказыванию особую певучесть («Глаза у него были совиные – большие, быстрые, голубые»; «Пеленки! А еда не готова, и огонь совсем угасает, и чайник пустой»; «Уходил в себя и думал, думал, думал»).

Таковы основные проблемы прозы Семена Курилова, установки и принципы его поэтики. Они явственно обозначились и в его рассказах («Встреча в пути», «Увидимся в тундре»), и в повести («Последнее лето детства»), и в романе («Ханидо и Халерха»).